

Отаина 1984 — Отаина Г. А. Отражение мифологических и религиозных представлений в нивхском языке. 1984 г. // Архив ГАПК. Ф. 1625. Оп. 1. Д. 12.

Переверзева 1996 — Переверзева О. В. Откровения Михаила Дувана // Орнаментальное искусство народов Дальнего Востока: сб. докл. и сообщ. Комсомольска-на-Амуре, 1996.

Ротенберг 1984 — Ротенберг В. С. Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур // Вопросы философии. 1984. № 4. С. 78—86.

Сальникова 2009 — Сальникова Е. В. Человек и зрелищная культура. Линии взаимного притяжения // Человек. 2009. № 5. С. 160—170.

Скоринов 2007 — Скоринов С. Н. Краткий мифологический словарь. Нанайцы // История и культура Приамурья. 2007. № 1—2. С. 120—139.

Смоляк 1991 — Смоляк А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура). М., 1991.

Старцев 2007 — Старцев А. Ф. «Наследник» Золотой империи. Владивосток, 2007.

Топоров 2000 — Топоров В. Н. О «евразийской» перспективе романа Андрея Белого «Петербург» // Евразийское пространство: звук и слово. Тезисы и материалы. М., 2000.

Туголуков 1969 — Туголуков В. А. Следопыты верхом на оленях. М., 1969.

Хайдеггер 1993 — Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.

Шнейдер 1933 — Шнейдер Е. Р. Тетрадь для записи по этнографии удэ. Ч. 1. 1933 г. // Архив МАЭ. Ф. К II. Оп. 1. Д. 21.

Штернберг 1933 — Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

Сокращения

Архив ГАПК — государственный архив Приморского края.

Архив МАЭ — архив Музея антропологии и этнографии РАН.

Архив РЭМ — архив Российского этнографического музея.

Записки ОИАК Владивостокского отделения ПО РГО — записки общества изучения Амурского края (Приморское краевое отделение Русского Географического Общества).

Summary. *In the article correlation is examined spatially-optical, visual and acoustic methods of communication in traditional culture of Tungus-manchzhur and Nivkhs souths of Far East of Russia.*

Key words: *acoustic, visual, Nivkh, Tungus-manchzhur.*

УДК 398.224(=512)

ББК 82.3

Н. Р. ОЙНОТКИНОВА
(Новосибирск)

КУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОЙ САРТАКПАЙ В МИФОЛОГИИ ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

Аннотация. *Статья посвящена преданиям тюркских и монгольских народов о мифическом культурном герое Сартакпае. Сравнительный анализ их сюжетов показал наличие сходств образа героя с персонажем древнекитайской мифологии, усмирителем потопа Да Юй. Отношение имени Сартакпай к наименованию животного позволяет предположить, что миф сформировался на основе архаичного мифа о демииурге — тотемном животном.*

Ключевые слова: *мифы, предания алтайцев и тувинцев, мифический культурный герой.*

Сартакпай — один из интереснейших мифических персонажей в фольклоре тюркских народов Южной Сибири (алтайцев, тувинцев, хакасов), а также монголов. Он олицетворяет собой культурного героя, важнейшей миссией которого является творческое преобразование окружающего мира, благоустройство жизни людей.

Предания с этим персонажем были опубликованы в трудах собирателей фольклора В. В. Радлова [Образцы народной литературы 1866] и Г. Н. Потанина [Потанин 1883] в XIX в. Тексты, записанные Г. Н. Потаниным у теленгитов Алтая и дюрбетов Монголии, показывают географическую широту бытования преданий об этом герое. В XX в. цикл мифов о Сардакбане у тувинцев Монголии зафиксировала и опубликовала немецкая фольклористка Эрика Таубе [Таубе 1994]. Систематизация алтайских преданий о Сартакпае, впервые представленная в 30-м томе «Несказочная проза алтайцев» академической серии «Памятники фольклора народов

Сибири и Дальнего Востока» [НПА 2011, 234—237, 471—474], показала наличие в них общих сюжетов, мотивов, образов. В этой статье мы проводим сравнительный анализ сюжетов преданий тюркских народов Южной Сибири (алтайцев, тувинцев) и монголов, в которых присутствует данный персонаж.

Образ Сартакпая имеет весьма древнее происхождение и определенный синкретизм божественного и человеческого начал. В преданиях он строит мосты и меняет русла рек. В именах Сартакпай (алт.), Сардакбан (тув.), Сартактай (монг.) общий корень — Сартак, обозначающий «годовалый марал». Отношение имени героя к наименованию животного позволяет нам предположить, что миф о культурном герое Сартакпае восходит к мифу о тотемном животном, видимо, когда-то существовавшему у тюрко-монгольских народов. Наше предположение подтверждает утверждение Е. М. Мелетинского о том, что в фольклоре некоторых народов на формирование образов культурных героев-демиургов оказали влияние архаические образы тотемных предков. Культурные предки часто носят имена животных и принимают зооморфный вид [Мелетинский 2004, 26—27]. Необходимо также отметить, что образ тюрко-монгольского Сартакпая схож с образом культурного героя древнекитайской мифологии — усмирителем потопа Да Юй.

В китайском фольклоре в кратком описании деяний Да Юй отмечается, что ему было приказано завершить дело отца, который, борясь с потопом, потерпел неудачу и был казнен за это. Когда, усмиряя воды, Юй дошел до реки Хуанхэ, из нее вышел дух реки Хэ-бо, чтобы помочь Юй. Последнему приписывается и разделение одной из гор, мешающей течению Хуанхэ, на три части. Усмиряя потоп, Юй трижды доходил до горы Тунбо (на юго-западе современной провинции Хэнань), но не мог справиться с бушевавшей там стихией, тогда он призвал в помощь богов Поднебесной, считая, что во всем виноваты чудовища и злые духи [Рифтин 1988, 678].

В преданиях тувинцев и монголов большинство упоминаемых местностей, рек и озер находятся в районе сомонов Цэнгэл и Сагсай, исключением является озеро Хара-ус-нур (по-тувински — Хаар суг), в которое впадает река Ховд (Хомду, Кобдо). Так, в предании, записанном Г. Н. Потаниным от дюрбюта из Улангома, Сартактай роет канаву, чтобы провести воду из реки Кобдо в Пекин по просьбе своей сестры, выданной замуж в Пекин, достает воды вечных снегов с вершины реки Кобдо, так как в столице вода была плохая. Причина его неудачи — хвастовство и оскорбление духа-хозяина реки:

«<...> Сартактай, жалеючи сестру, начал копать канаву (буху). При этом он похвастался, что это дело у него совершится так же легко, как легко надеть оброт (нокто) на верблюда. Хозяин воды (эдзень) обиделся этим и сказал: “Если вода пойдет вперед, будет Ики-Арал, если назад, то будет Большинь-Тохой (или Булунь-Тохой)”. Поэтому вода бросилась в рывтвину, которую Сартактай рыл с сыном, но назад обратилась. Назавтра Сартактай велел сыну в ночь не спать со своею женой: “Хорошенько будем работать”, — сказал он. Но сын не выдержал и на другой день совсем потерял силу» [Потанин 1983, 287].

В тувинском варианте он работает вместе с другим богом Мемли. Э. Таубе предполагает, что имя Мемли означает или «млекопитающее», или «сосунок» (*māmā* — ‘грудь’, ‘сосок’) [Таубе 1994, 353]. Если рассматривать семантику имени *Мемли* как «грудной ребенок», можно предположить, что речь здесь идет о сыне этого персонажа. В алтайских преданиях Сартакпай занимается строительством вместе с сыном Адучи. В китайских мифах также можно усмотреть двух демиургов в образе Да Юй и его отца, усмирявших потоп.

Образ культурных героев братьев-близнецов в фольклоре многих народов переносится и на образ демиургов — творцов мира. Признаком того, что эти персонажи выполняют функцию «культурных героев», является их

парность. Например, в мифах алтайцев о сотворении мира демиургами выступают две птицы — два гуся, которые впоследствии обретают черты божеств — Ульгена и Эрлика. В отличие от архаичных орнитоморфных образов, Сартакпай в алтайском или тувинском фольклоре не становится божеством. Возможно, это объясняется поздним заимствованием сюжетов о нем из монгольского фольклора. Именно в монгольских преданиях говорится, что Сартакбан/Сартактай — герой-демиург, сотворивший мир: «Сардакбан сотворил мир. Он нес землю в подоле и разбрасывал ее — и так возник мир» [Там же, 283]. Или говорится, что «Сартактай был хубилган (перевоплощением — Н. О.) бога Очирвани» [Там же, 283].

В другом предании отмечается, что Сартакбан был богом: «Было два бога, которые хотели вывести Хомду с гор, — Сардакбан и Мемли. Придя на равнину Цэнгэла, в местность, где сегодня находится озеро Сарыг Хёл, Мемли сказал, что здесь они и останутся. Сардакбан же хотел целиком отвести реку от гор и повести ее к Пекину, но не по тому пути, которым она течет сегодня <...>» [Там же, 283]. В текстах, наряду с именами Сардакбан и Мемли, упоминается Эжен-хаан (Еджень-хан, Эжен-хаан) — китайский император.

Во всех преданиях герой терпит неудачу. В текстах, записанных Э. Таубе, указаны две причины неудачи героя: 1) оскорбление духа-хозяина реки сравнением реки либо с кобылицей и жеребенком, либо с верблюдицей и верблюжонком; 2) сын нарушает запрет отца: перед важным делом не спать с женой. Например: «Эжен Хаан, правитель всей империи, повелел Сардак-бану отвести Хомду в Пекин, Сардакбан взялся за это. И когда он отвел Хомду к Пекину настолько, что оставалось до него лишь полдня пути, он воскликнул: “Заставив тебя ржать, как кобылица с жеребенком, / Заставив тебя реветь, как верблюдица с верблюжонком, / Привел я, парень, тебя сюда”. Эти слова оскорбили поток Хомду, и он повернул и потек обратно.

Тогда Сардакбан проклял его: “Вкривь потекшее / Озеро Будджунг — / Будь это теперь твоим именем!”» [Там же, 282—283].

Афористичная насмешка Сартакбана в текстах варьируется. В предании поток реки сравнивается не только с верблюдом, на которого накидывают оброт, но и с женщиной с ребенком: «Заставив тебя реветь, как верблюдица с верблюжонком. / Заставив тебя рыдать, как женщина с ребенком, / Привел я, парень, тебя сюда» [Там же, 282].

Согласно преданиям монгольских тувинцев, когда Сардакбан вел русло реки Ховд (Кобдо, Хомду) в Пекин, в выкопанной им яме образовалось озеро Сарыг Хел, а из отброшенной земли выросла небольшая горка у берега озера — Сарыг Хелдюнг Межелиг (Холм у Желтого озера).

«Когда Сардакбан трудился над тем, чтобы вывести Хомду на равнину, однажды в полдень он решил отдохнуть. А чтобы река не утекла от него, он стал копать землю своей лопатой, набросал земли и перегородил ею путь реке. Так образовалась яма. Когда перед запрудой накопилось слишком много воды, он отчерпнул немного ладонями и вылил в эту яму. Так возникло Сарыг Хел — Желтое озеро. Он продолжал отдыхать, и поэтому накопилось столько воды, что она прорвала земляную перемычку и стала вытекать, извиваясь, — так возникло ущелье Теве Мойуну — Верблюжья Шея [Таубе 1994, 282].

О деяниях культурного героя свидетельствуют отпечатки следов его коня, его собственные следы, оставленные на земле и камнях. Следы копыт его коня размером с целую юрту или с хонаш, т. е. с площадку, занимаемую одной юртой: « <...> Наверху, в Ак Салаа, Белой балке, и в Сарыг Догай, Желтой луке, — сохранились следы его коня. В Сарыг Догай этот след тянется на много километров вверх, до самых снежных вершин. Каждый отпечаток конского копыта — величиной с хонаш, с площадку, занимаемую одной юртой» [Там же, 284].

В тувинском предании утверждает- ся, что Сартакпан был племянником некоего Кезер-Чингиса. Этот человек, прочерчивая борозду своей пяткой, спустил реку Хемчик из Мешкен-Холя и Чулуг-Холя. Препятствием для течения реки оказались горы Бай-Тайга, Тээли, Ак-Довурак, Кызыл-Мажалык, Уттуг-Хая-горы [Мифы, легенды, предания 2010, 99].

Вариант сюжета о том, как Сартакпан прочерчивал борозду своей пяткой, перекликается с сюжетом мифа о китайском культурном герое Да Юй, которому при строительстве каналов помогал дракон Инлун (желтый дракон, который полз впереди и волочил свой хвост, чертя направление для будущих потоков воды) [Рифтин 1988, 678]. Юй приказал Инлуну ползти, чтобы хвост его волочился по земле. По направлению, указанному хвостом Инлуна, прорывались реки и каналы [Юань Кэ 1987].

В тувинских преданиях Сардакбан приводит воду с помощью различных инструментов — мотыги, палки, лопаты:

1) «Сардакбан создал мир, когда он захотел отвести с Церека реку Ак Суг — Белую воду, он поволок за собой свою мотыгу и так прорыл канаву...» [Таубе 1994, 282];

2) «Сардакбан выпустил воду из озера Хураан Хёла — Озера ягнят. Когда Сардакбан отвел из озера Хураан Хёл реку Хомду, он высыпал у Теке Мойуну полную лопату земли, но Хомду прорвал запруды и потек дальше <...> И стал он копать там землю. И провел палкой ровенькую черту, не так ли? <...>» [Там же, 282].

3) «Говорят, что рядом с озером Хар-ус-нуур находится высохшее русло реки — это след повернувшего обратно потока Хомду. А в аймаке Ховд даже рассказывают, что во рву была найдена большая лопата» [Там же, 282].

В преданиях алтайцев фигурируют топонимы, находящиеся на территории Горного Алтая. Герой роет канаву в Китай и строит мост через реку Катунь: «Сартакпай жил в Монголии. Реку Кобдо он хотел провести в Китай. Оттуда он

сел на богатырского коня и поехал в берега Кобдо. Из Монголии Сартакпай поехал на Катунь и остановился ниже Эдигана. Тут он строил мост через реку Катунь. Набрал камни в полу. Его ударил ээзи. От удара он присел и в злобе раскидал камни вверх по Катуню»¹.

В преданиях алтайцев отмечается, что Сартакпай был пришлым. Так, в тексте, записанном А. В. Анохиным, утверждается, что Сартакпай был родом из Монголии. Там говорится, что два богатыря, один из них Сартакпай, пришли с юга. Они решили провести из озер речки. Сартакпай — от горы Белуха, а другой — от озера Дьулу-Кель. В другом варианте Сартакпай строил через Катунь мост из речных камней [Образцы народной литературы 1866, 170].

Интересным совпадением в алтайском тексте является эпизод, когда Сартакпай, заметив лису, пробежавшую мимо него, бросает в нее камень: «Камень, называемый “Камень Сартакпая”, лежит там, не доезжая до <села> Кёкёрю. <Там> один очень большой камень лежит. Человек по имени Сартакпай, он же человек-батыр, там мост строил, через <реку> Кадын <...> <Соб.: Где? Где там, на каком месте у Катунь строил мост?> Когда камень не закрепился, тот человек <Сартакпай> пришёл <...> Потом, когда он там сидел курил, лиса пробежала, он эту лису камнем ударил, говорят. <Камнем, на котором> он сидел курил... “Отык таш” (“Огниво” — Н. О.) называется. Камень для огнива берут в том месте, говорят. Это и есть брошенный Сартакпаем камень. Это камень, брошенный в лису, говорят» [НПА 2011, 237].

В тувинской версии Сардакбан бросил камень в волка: «Есть в степи место, где лежит большой белый обломок скалы — это когда-то Сардакбан бросил им в волка и убил его» [Таубе 1994, 282].

В китайских мифах имеется схожий сюжет. Когда к тридцати годам Юй

¹ Зап. от Н. Е. Козловой (из рода Сагал), с. Чемал. 1920 г. [Архив МАЭ. папка № 79].

остался неженатым, однажды проходил мимо горы Тушань (на северо-западе современного уезда Шаосин провинции Чжэцзян) и подумал: «*Лет мне уже немало, что-то ждет меня в будущем?*». Как раз в это время мимо него пробежала белая девятихвостая лисица, взмахнув своими хвостами, пушистыми, как метелочки. Девятихвостая лисица происходила из страны Цинцю, что недалеко от восточной страны Цзюньцзыго — Страны благодородных. Такая лисица, как и дракон, феникс и цилинь, приносила счастье» [Юань Кэ 1987, 174].

В алтайской версии лиса была с одним хвостом, и ей не придается такого символического значения, какое придавали китайцы лисе с девятью хвостами. В мифологическом сознании китайцев «девятихвостые лисицы, дерево бессмертия, трехногая священная птица, нефритовый заяц, толкущий снадобье бессмертия, и другие персонажи <...> были благожелательными символами» [Там же, 324]. В мифологическом сознании народов Сибири подобные персонажи, наоборот, выступают символами, причастными к Нижнему миру и, соответственно, имеют отрицательный смысл.

Таким образом, сопоставительный анализ мифологических преданий о культурном герое Сартакпае (Сартакбане, Сартактае) в фольклоре южносибирских тюрков и монголов показал сходство их сюжетов. Образ этого героя имеет древнее происхождение и представляет собой синкретизм божественного и человеческого начал. Отношение имени культурного героя к наименованию животного позволяет нам предположить, что его антропоморфный образ возник на основе архаичного животного тотема-марала. Божественный характер этого персонажа проявляется в участии в преобразовании мира: он строит мосты, каналы, меняет русла рек. Почти во всех преданиях герой терпит неудачу в строительстве. Сходство образов культурных героев в тюрко-монгольской мифологии Сартакпая и в древнекитайской мифологии усми-

рителя потопа Да Юй позволяет нам говорить о взаимовлиянии фольклора разных народов.

Литература

Мелетинский 2004 — Мелетинский Е. М. Первобытные истоки эпоса // Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М., 2004.

Мифы, легенды, предания 2010 — Мифы, легенды, предания тувинцев / сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск, 2010. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 28.)

НПА 2011 — Несказочная проза алтайцев / сост. Н. Р. Ойроткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск, 2011. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 30.)

Образцы народной литературы 1866 — Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и дзунгарской степи / собраны В. В. Радловым. СПб., 1866. Ч. I. Поднаречия Алтая, алтайцев, телеутов, черневых и лебединских татар, шорцев и саянцев.

Потанин 1883 — Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб, 1883. Вып. 4.

Рифтин 1988 — Рифтин Б. Л. Юй // Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1988. Т. 2.

Таубе 1994 — Сказки и предания алтайских тувинцев. Собраны Эрикой Таубе. Авторизованный перевод с немецкого Б. Е. Чистовой. М., 1994.

Юань Кэ 1987 — Юань Кэ. Мифы древнего Китая / пер. с кит., послесловие Б. Л. Рифтина. М., 1987.

Сокращения

Архив МАЭ — архив Музея антропологии и этнографии РАН.

Summary. *The paper is devoted to legends of the Turkic and Mongolian peoples the mythical culture hero Sartakpay. A comparative analysis of their subjects showed the commonalities of the image of the hero with the character of the Chinese mythology ancient, the flood suppressor Dar Yuy. Relation of the name Sartakpay to the name of the animal suggests that the myth of this hero formed on the basis of the archaic myth of the demiurge — totem animal.*

Key words: *myths and legends of Altai and Tuva, a mythical culture hero.*